

ЧЕТВЕРТЫЙ ПЕРИОД

Лето и осень 1943 года: крах Италии и последовавшие за этим проблемы

После Сицилии: решения Квебекской конференции («Квадрант»); август 1943 года

Вторжение на Сицилию началось 9 июля. Вопрос о том, что делать дальше, был пока не решен. После проведения консультаций в Алжире, желая сохранить условия, установленные для операции «Оверлорд», Эйзенхауэр должен был действовать осмотрительно: его армии предстояло попытаться захватить Сардинию или высадиться в Калабрии, неподалеку от «носка сапога», западной оконечности Апеннинского полуострова. По мнению Черчилля, стоило действовать более энергично; ведь сражение на Сицилии доказало, что даже на собственной территории итальянцы показали себя слабыми противниками. Ему казалось, что достаточно одного мощного удара, чтобы вывести Италию из войны и тем самым отрезать Германию от Средиземноморья. Черчилль не собирался позволить русским запугать себя или американцев и заставить его отказаться от рассмотрения столь блестящей возможности. Премьер-министр поставил в известность, что в 1943 году будет заниматься исключительно захватом Рима. Как говорится в письме от 16 июля, отправленном Черчиллем генералу Смигу, «мы не только должны взять Рим и продвинуться как можно дальше на север Италии, но должны протянуть правую руку помощи патриотам на Балканах... Я уверен в благополучном исходе и не остановлюсь ни перед чем, чтобы добиться согласия наших союзников. Если это не удастся, у нас вполне достаточно сил, чтобы действовать самостоятельно».

В период с 15 по 19 июля в Лондоне находился Стивенсон. Черчилль приложил немало усилий, чтобы Стивенсон разделял его точку зрения в отношении главных военных результатов, которых можно было бы достигнуть в Италии, и попытался убедить в необходимости следующего решительного и мощного наступления. Черчилль не видел смысла в том, чтобы просто переправиться к «носку» или «пятке» Италии. Его мысль выражалась вопросом: «Почему, подобно жуку, надо ползти от лодыжки до бедра? Давайте ударим по колену».

Черчилль открыто заявлял, что дальнейшее продвижение из Рима будет возможно только в том случае, если выпадет исключительный случай. Идеи, однако, советовал перенести войну на Балканы и в Грецию. Стивенсон пришел к заключению, что предложенная ими программа может сорвать операцию через Канал. Премьер-министр откровенно признался, что, поскольку военные советники не смогли представить ему на рассмотрение более удачной альтернативы, он остается верен своей позиции относительно операции через Канал. Черчилль особо подчеркнул, что операция будет возможна, «только когда британцы и американцы решат, что наступило подходящее время и благоприятные условия для вторжения через Ла-Манш, а не грубые русские скажут им об этом, поскольку он действительно боится, что операция может обернуться бедствием – Канал будет заполнен трупами наших людей».

Тем временем Эйзенхауэр удивил британцев, предложив высадиться на двести миль выше по берегу, в заливе Салерно, рядом с Неаполем. Президент и Объединенный штаб одобрили это предложение. С этой целью они согласились увеличить армию Эйзенхауэра на 66 000 человек. Это были все силы, которые они намеревались разместить в Средиземноморье, поэтому отказались пойти навстречу желанию Британии и прислать еще 50 000 человек. Американцы жестко настаивали на выполнении условия, определенного конференцией «Трайидент», что после захвата Сицилии часть воздушных и морских частей должна быть выведена из Средиземноморья, а после 1 ноября еще семь дивизий должны быть переведены из Средиземноморья в Англию для подготовки операции «Оверлорд». Черчилль старался, как мог, но американцы были непреклонны. Не

трудно понять почему. В конце июля только одна американская дивизия находилась в Соединенном Королевстве, а большая часть американских трансатлантических кораблей занималась доставкой всего необходимого для операций в Средиземноморье. Успешно продвигалась кампания на Сицилии, а эти вопросы так и оставались нерешенными. 25 июля Муссолини был смещен с должности главы правительства. Британцы решили, что это событие предоставляет им серьезный шанс для удачной высадки в Италии; теперь напуганные итальянцы гораздо быстрее и охотнее согласятся выйти из войны. В дальнейшем обсуждение происходило в предвкушении капитуляции Италии, но было непонятно, что предпримет Германия, чтобы удержать свои позиции в Италии.

Британия, однако, надеялась, что в случае оккупации Италии ей достанутся удобные порты и летные поля, пригодные для проведения крупномасштабных операций, поэтому немцы не будут пытаться сражаться южнее Рима, а отойдут на равнины Ломбардии. Эта надежда основывалась на убеждении, что, в отличие от господствующего положения Соединенных Штатов и Британии в воздухе, немцы испытывают нехватку транспортных средств для передвижения в горной местности, а потому не смогут удержаться на юге.

В действительности 26 июля новая немецкая армейская группировка, состоящая из восьми дивизий, под командованием Роммеля, двинулась из Франции, Тироля и Каринтии на север Италии. Они были посланы, чтобы не допустить потери этой территории, и встали позади немецких армий, располагавшихся южнее. Несмотря на мощные и сосредоточенные бомбовые атаки союзников по немецким коммуникациям, немцам удалось удержать до 1944 года оборонительную линию южнее Рима.

И все это время советские руководители постоянно напоминали американцам и британцам о том, что ожидают от них. Пресса и радио перемежали упреки в адрес Рузвельта и Черчилля в том, что они не держат торжественных обещаний, с заявлениями, что нет никаких серьезных причин для откладывания вторжения через Ла-Манш. Американское посольство в Москве было склонно считать, что это возмущение может преследовать как политические, так и военные цели: ослабить американско-британское единство и, вероятно, подготовить основу для ужесточения требований международной политики.

По инициативе Черчилля было принято решение о встрече Черчилля, Рузвельта и начальников штабов для очередного рассмотрения международной стратегической программы. В результате в Квебеке с 14 по 24 августа прошла конференция под кодовым названием «Квадрант».

Пока Черчилль с делегацией пересекали Атлантику, президент и Комитет начальников штабов США приняли решение настоять на выполнении обещания относительно плана вторжения через Канал. Они были, как никогда, убеждены, что только таким путем можно одержать окончательную победу над Германией. Кроме того, американцы решили, что примут на себя руководство этой операцией, и собирались провести ее под командованием Соединенных Штатов. Фактически они решили возражать против любого наступательного плана в Италии. С этим решением Комитет начальников штабов Соединенных Штатов отправился в Квебек, где 14 августа начались переговоры между представителями штабов, а позже к ним присоединились Рузвельт и Черчилль.

Пока Черчилль находился в Канаде и Соединенных Штатах, во время официальной части конференции и в течение трех последующих недель, события в Италии приняли драматический поворот. Правительство Бадольо, пришедшее на смену режиму Муссолини, отправило союзникам сообщение, что хочет перейти на их сторону; начались переговоры о капитуляции. Сицилия была окончательно захвачена. Эти события, безусловно, повлияли на ход переговоров в части стратегии, и поскольку влияние их на ход войны и условия по поддержанию мира было значительно, то об этом я расскажу подробнее несколько позже. Собравшиеся в Квебеке военачальники оценили военную обстановку, имеющиеся в наличии ресурсы и позиции некоторых членов Оси. Принятые на конференции решения определили будущее рассредоточение сил, области боевых

действий, операции внутри каждой из областей и общую картину.

Квебекская конференция одобрила план операции вторжения двадцати девяти дивизий через Канал 1 мая 1944 года, что соответствовало решениям, принятым на конференции «Трайидент». Разработчикам было приказано рассчитать масштабы операции.

Но, давая согласие, Черчилль предупредил, что решение может быть пересмотрено в том случае, если к моменту начала операции перспективы окажутся более неблагоприятными, чем ожидалось. Его согласие зависело от трех факторов. Во-первых, к моменту начала вторжения должно было произойти резкое сокращение мощи немецкой истребительной авиации в Северо-Западной Европе. Во-вторых, к этому времени в Северной Африке должно было находиться не более двенадцати мобильных немецких дивизий. В-третьих, следовало решить проблему сосредоточения значительных сил на английском берегу Ла-Манша, подверженном приливам и отливам.

Кроме того, Черчилль и его военные советники противились желанию американцев предоставить преимущественное право проведению подготовки к вторжению относительно всех промежуточных действий на европейско-средиземноморском театре. Но после проведения трехдневных непрерывных штабных переговоров британцы согласились, что при любых обстоятельствах проведение операции «Оверлорд» будет являться гарантом успеха, даже в случае быстрого завершения операций в Средиземноморье. По выражению Стимсона: «С этого момента развитие операции „Оверлорд“ определяло прямой путь к успеху».

Мало-помалу пришли к выводу, что предпочтительнее провести высадку недалеко от Неаполя и, двигаясь вперед, оккупировать Рим, чем захватить Сардинию и Корсику и, если получится, Додеканесские острова, а затем, в соответствии с операцией «Оверлорд», высадиться в Южной Франции, между Тулоном и Марселем.

Однако постоянный дефицит судов, в особенности десантных, ограничивал и сдерживал развитие этих действий в Средиземноморье. Чрезмерные требования американских военно-морских сил и генерала Макартура для проведения рискованных операций в Тихом океане вызывали негодование британских начальников штабов, считавших безумием отвлекать в такое время ресурсы для проведения необоснованных авантюр.

Кроме этого, на конференции впервые было уделено внимание войне с Японией. Фактически этот вопрос вызвал более горячие дискуссии, чем европейские военные вопросы. В заключительном отчете Объединенного штаба провозглашалось, что «после разгрома Германии все разрабатываемые операции должны быть направлены на возможно скорое поражение Японии. При планировании следует принимать в расчет, что вся операция должна уложиться в двенадцать месяцев».

Удалось запланировать и утвердить важные десантные, воздушные и морские операции в центральной и юго-западной части Тихого океана. Макартуру разрешили продолжить продвижение в сторону Филиппин. Военно-морской флот получил санкцию на проведение операций у островов Гилберта, Маршалловых и Марианских, в надежде достигнуть островов Рокас, порога Японии, весной 1944 года. Средства для проведения этих операций, особенно военно-морских, были предоставлены в первую очередь. Британия весьма неохотно дала свое согласие, полагая, что было бы намного лучше ограничить действие в этих районах, а отведенные на них средства с большей пользой употребить в Европе.

С целью возобновления транспортного пути были созданы условия, ранее намеченные в «Трайденте», для начала наступления в феврале 1944 года в Северной Бирме. Несмотря на нелюбовь Черчилля к проведению любых наземных операций в этой высокогорной стране, покрытой джунглями, и явное предпочтение, которое он отдавал высадке в Голландской Ост-Индии или на Малайе, план тем не менее был одобрен. Кроме того, были подготовлены условия для существенного увеличения пропускной способности воздушного пути над Гималаями в Китай и для организации в Китае авиабаз

для «летающих крепостей „В-29“, только что запущенных в производство. Эти и многие другие принятые программы, помимо всего прочего, имели особое значение для расширения действий в Китае и для Китая. Это был ответ на отчаянные предупреждения Чан Кайши, что китайское сопротивление может быть сломлено. Однако впоследствии, в связи с требованиями других военных театров и из уважения к британской точке зрения, большая часть этих операций была отложена или сокращена.

Основные моменты утвержденного плана наступательных операций были изложены в совместном послании Рузвельта и Черчилля, отправленном сразу же по окончании конференции. В течение нескольких последних дней работы конференции они оба равнодушно воспринимали критику в свой адрес со стороны Сталина (об этом еще будет рассказано) в отношении определения условий капитуляции Италии. Нет сомнений, что больше всего Сталина интересовали те разделы отчета, которые относились к вторжению через Канал. Ему объяснили, что бомбардировочные наступления будут продолжаться в быстро увеличивающемся масштабе; для проведения операции в течение ближайших месяцев в Соединенном Королевстве будет осуществляться концентрация американских вооруженных сил; таким образом, будет создана объединенная американо-британская армия, объединенная армия будет постоянно усиливаться дополнительными американскими войсками. В послании говорилось: „Эта операция будет основным американо-британским воздушным и наземным усилием против держав Оси“. Программа будущих действий основывалась на решениях американцев и британцев, на их собственных желаниях; им не требовалось согласия или одобрения русских, и они не обещали советскому правительству, что, когда придет время, выполнят программу, невзирая на обстоятельства.

Экспедиция к „носку сапога“, начавшаяся через неделю после окончания квебекской конференции, прошла успешно и привела к краху Италии. Вечером 8 сентября было объявлено о прекращении военных действий. Стоило первым десантным судам подойти к Салерно и высадить десантников, как итальянцы прекратили сопротивление. Черчилль так ждал этого дня! 9 сентября он вернулся в Вашингтон для проведения официального совещания с президентом в Белом доме. Каждая строка зачитанного Черчиллем меморандума была полна энергией... и средиземноморской свежестью.

Премьер-министр объяснил необходимость добиться общественного понимания цели, одобренной Объединенным штабом, и обратить Италию в активного борца с немцами. Помимо захвата военно-морских и военно-воздушных сил Италии, Черчилль хотел бросить итальянские дивизии против немцев. Они должны были сыграть свою роль, оказывая помощь в боях на собственной территории, оказавшись за это впоследствии вознагражденными лучшим отношением и более мягкими условиями капитуляции.

Предложенный Черчиллем перечень безотлагательных действий включал следующие пункты:

1. После захвата Неаполя союзническим войскам следует двигаться в северном направлении до тех пор, пока они не встретятся с главной линией немецкой обороны. Это, вероятно, будет значительно севернее Рима. (Черчилль был уверен, что „нам следует быть крайне осмотрительными, двигаясь на север, дальше от узкой части итальянского полуострова“, несмотря на немецкое отступление к Альпам.)

2. Попытаться разработать соглашение между итальянскими войсками в Балканах и местными партизанами. Затем открыть порты на побережье Далмации, а после организации оборонительной линии в Италии, вероятно, появится возможность использовать часть союзнических сил на средиземноморском театре, „уделяя особое значение движению на север от портов Далмации“.

Мне кажется, что Черчилль впервые предлагал использовать союзнические войска в этом регионе.

Кроме того, он был полон надежд относительно будущих действий в Болгарии, Румынии и Венгрии, которые, возможно, вынудили бы Турцию вступить в войну. Он

вспомнил аналогичное событие месячной давности, в котором участвовали британцы, – захват островов в Эгейском море. „Немцы... опасались измены со стороны Венгрии и Румынии и раскола Болгарии. В любой момент против них могла выступить Турция. Мы можем видеть враждебность по отношению к врагу в Греции и Югославии. Когда мы вспоминаем, какие блестящие результаты последовали за политическими выступлениями в Италии, вызванными нашими военными усилиями, должны ли мы оставаться близорукими, чтобы игнорировать возможность подобной и даже более убедительной победы в некоторых или во всех упомянутых мною странах?“ Но американцев, включая Эйзенхауэра, не увлекали предлагаемые Черчиллем возможные победы в рискованных предприятиях на востоке, требующие, по его оценкам, незначительного количества дополнительных войск и кораблей. Черчилль и тогда, и впоследствии считал, что из-за этого был потерян шанс выиграть войну малой ценой, а нежелание американцев предпринимать действия, особенно в отношении Эгейских островов, исходило от недопонимания огромного значения проводимых в Италии операций, которые он, Черчилль, поддержал. Позже он позволил себе сделать одно из немногих резких замечаний: „Американский штаб навязал свою точку зрения; расплачиваться теперь должна была Британия“.

Условия капитуляции Италии

Весь период, с мая по сентябрь, американцы и британцы не только обдумывали стратегические военные планы, но и обсуждали вопросы капитуляции Италии. Эта проблема уже рассматривалась в марте, во время пребывания Идена в Вашингтоне. Президент подчеркивал, что, по его мнению, следует настаивать на полной капитуляции без каких-либо обязательств в отношении того, будем ли мы что-то предпринимать впоследствии или нет. Появилась необходимость в разработке программы на период, следующий после разгрома врага. Президент попросил Хэлла составить такую программу, после чего обсудить ее с британцами и, если удастся достигнуть взаимопонимания, тогда уже обговорить ее с русскими.

Пока шла разработка программы, а согласование отдельных формулировок слишком затягивалось, Черчилля стали беспокоить изменяющиеся тенденции в отношении желаний и устремлений американцев. Он был встревожен тем, что американская пропаганда продолжала подчеркивать требование „безоговорочной капитуляции“ вместо того, чтобы продемонстрировать терпимость по отношению к покоренной нации. Черчилль был расстроен еще и потому, что американцы, казалось, были склонны не только на время лишить власти правящего короля, Виктора-Эммануила, но и раз и навсегда избавить Италию от монархии. Черчилль был категорически против этого. Он был убежден, что сохранение монархии будет иметь существенное значение для того, чтобы договориться о совместных действиях с итальянскими военными, особенно флотскими. Монархия – это единственное надежное основание для наведения порядка в Италии; она сможет предотвратить хаос и возможный всплеск коммунистической активности.

Несмотря на различие в точках зрения по этому вопросу, Рузвельт и Черчилль в опубликованных заявлениях и воззваниях, с которыми они обращались к итальянцам на протяжении мая-июня, сообщали в основном следующее: они не будут жестокими и бесчеловечными победителями. После изгнания немцев из Италии и уничтожения фашистского режима итальянцы получали возможность жить свободно и независимо и занять свое место в качестве „достойного члена европейского содружества наций“. Это подтверждалось совместной декларацией президента и премьер-министра в адрес итальянского народа, переданной по радио 17 июля, когда союзнические войска с боями продвигались по Сицилии к Мессинскому проливу. Особое значение придавалось необходимости избавиться от Муссолини и отделиться от Гитлера и нацистской Германии. Никаких определенных требований относительно безоговорочной капитуляции

выдвинуто не было.

25 июля, через неделю после того, как народу Италии был представлен широкий обзор союзнических намерений, группой офицеров итальянской армии, приближенной к трону, был смещен с должности Муссолини и уничтожен фашистский Большой совет. Главой нового итальянского правительства король назначил генерала Пьетро Бадольо, который когда-то, стоя во главе итальянских вооруженных сил и будучи товарищем Муссолини по оружию, с большой жестокостью завоевал Эфиопию. Тогда его обвинили в неудачной итальянской кампании на Балканах в 1940 году и отлучили от режима. По желанию короля Бадольо сформировал кабинет министров из гражданских лиц, вне зависимости от их партийной принадлежности.

Итальянцы радовались в ожидании мира и быстро приближающихся будущих политических перемен. Но король был против каких-либо действий, которые могли привести к войне с немцами. Новое правительство провозгласило: „Война продолжается. И несмотря на страшные разрушения в захваченных областях и городах, Италия держит данное слово...“ Через день после вступления в должность Бадольо уведомил Гитлера, что собирается поддержать альянс и продолжить войну. В немецкий штаб была направлена итальянская делегация. Возможно, ее цель заключалась в том, чтобы убедить Гитлера, что война проиграна и следует объединить усилия, с тем чтобы договориться о компромиссном мире. Вместо этого Гитлер предложил провести встречу министров иностранных дел и начальников штабов. Он был уверен, что Бадольо пытается обмануть его; с точки зрения фюрера, „история не знала большей наглости. И этот человек воображает, что я поверю ему?“. Гитлер полагал, что Бадольо уже пытался выступить в роли миротворца и потерпел поражение. Но это было не так. В тот момент Бадольо еще надеялся, что Германия позволит ему выйти из войны, что Гитлер даст Италии оставить членство в Оси или сам присоединится к ней в поисках мира. Бадольо боялся насильственного отделения от Оси. Однако 31 июля было принято решение о заключении перемирия с западными державами. После этого сам собой отпал вопрос, связанный с трудностями поиска безопасного метода в налаживании контактов с союзниками. Гитлер уже принимал меры, чтобы союзники не смогли получить контроль над Северной Италией, а Бадольо не смог заключить перемирие с ними. На протяжении двух недель после смещения с поста Муссолини Гитлер отдавал приказы, устанавливающие контроль над маршрутами в Италию. Он перебросил восемь дивизий через границу в Северную Италию, сосредоточил вооруженные силы вблизи Рима, чтобы взять на себя командование этой столицей, и, поскольку итальянское сопротивление на Сицилии потерпело неудачу, переправил войска с острова в Италию. Вот так, шаг за шагом, немцы претворяли в жизнь комплексный план по установлению контроля над большей частью территории в случае перехода Италии на сторону противника, делая вид, что принимают на веру слова итальянского правительства о том, что все останется неизменным.

Италия и прилегающие территории

Американские и британские власти могли весьма приблизительно представить себе, что происходило в Италии на протяжении этих двух недель. Поскольку вооруженные силы Америки и Британии исхитрились пройти через Сицилию к Мессинскому заливу, они попытались подготовить условия перемирия, чтобы воспользоваться ими по первому требованию.

Все попытки решить разногласия в отношении условий капитуляции не привели ни к какому результату. Британские проекты, представленные на рассмотрение начальникам Объединенного штаба, подверглись критике со стороны американцев, особенно по той причине, что не включали условия безоговорочной капитуляции и признавали королевское правительство Италии.

Новость о свержении Муссолини вызвала ликование у Рузвельта, и он тут же отправил послание Черчиллю, в котором выразил надежду на выработку „по возможности наиболее близких условий для безоговорочной капитуляции“. Президент считал, что к итальянцам следует отнестись снисходительно; он стремился получить от них всю возможную военную помощь, „...воспользоваться территорией, средствами сообщения и летными полями Италии в борьбе против немцев на севере и на Балканском полуострове“.

Черчилль признал эти предложения великолепными, о чем и сообщил в ответном

послании Рузвельту. Он подробно остановился на военных целях в надежде, что они будут достигнуты благодаря перемирию. Следует потребовать от итальянского правительства, чтобы было прекращено всякое сопротивление союзникам; совершить перестановку или, по крайней мере, упразднить итальянский флот; попытаться принудить к сдаче немецкие войска в Италии, в особенности южнее Рима; отвести все итальянские части с Балкан.

Черчилль хотел добиться абсолютной согласованности с королем и правительством Бадольо для того, чтобы понять возможности союзников. Его позиция, с учетом продолжающихся перестановок в итальянском правительстве ясно сформулирована в послании в адрес президента: „Я не думаю, что нам следует как-то особенно вести себя по отношению к любому нефашистскому правительству, даже если это не то, что бы нам хотелось. Муссолини ушел, и я буду иметь дело с любым нефашистским правительством, которое сможет выполнять взятые на себя обязательства“.

Выступая 27-го числа в палате общин, на следующий день после того, как Бадольо занял свой пост, Черчилль утверждал, что „с точки зрения сохранения власти Америки и Британии не следует оставлять Италию в таком свободном, меняющемся, формирующемся состоянии. Будет серьезной ошибкой действовать таким образом, чтобы полностью разрушить структуру и самобытность Итальянского государства“.

В тот же день Бадольо предпринял попытку порвать всякие отношения с фашизмом, объявив о роспуске фашистской партии и прекращении любой политической активности вплоть до окончания войны.

Рузвельт поддерживал занимаемую Черчиллем позицию терпимого, снисходительного отношения к Италии. Когда информационное агентство, транслирующее передачи на Европу, высказало мнение, что „сущность фашистского режима в Италии не изменилась“, и процитировало высказывание журналиста о „слабоумном маленьком короле“, президент обвинил их в пропагандистской деятельности. При первом же удобном случае, 27 июля, Рузвельт снял с себя ответственность за эту радиовещательную программу. Несмотря на определенное волнение, Рузвельт вновь исходя из политических соображений предоставил свободу действий группе людей, не верящих в военный успех и выдвигающих требования политического порядка. У него были сомнения в отношении некоторых из бывших горячих сторонников. Он опасался подорвать веру в искренность своих намерений наиболее активных антифашистских элементов в Европе и в Советском Союзе. Обо всем этом он попытался как можно убедительнее рассказать в выступлении по радио 28 июля. В своем выступлении Рузвельт, тщательно подбирая слова, подтвердил следующее.

1. „Наше условие в отношении Италии то же, что и для Германии и Японии, – безоговорочная капитуляция“.

2. „Мы избегаем иметь дело с любыми проявлениями фашизма. Мы не допустим, чтобы остался хоть какой-то след фашизма“.

Не просто сочетать эти твердые обещания с небрежным тоном, каким он прокомментировал Черчиллю свои выступления по радио и на пресс-конференциях.

„У нас есть некоторые любители поспорить, которые готовы устроить шумиху по любому поводу – готовы ли мы будем признать Савойскую династию или правительство Бадольо; это те же, кто поднял шум вокруг Северной Африки. Сегодня я объяснил прессе, что мы собираемся вести переговоры с любым человеком или людьми в Италии, способными обеспечить разоружение и принять меры против беспорядков. Кроме того, я полагаю, что после заключения перемирия мы с вами сможем что-то решить относительно самоопределения Италии“.

У Черчилля не было никаких предчувствий, и он не боялся подвергнуться критике. Этот воин-консерватор в ответном послании от 31 июля заявил, что нисколько не боится признать короля и Бадольо. заранее определив, что они смогут делать исходя из требований, предъявляемых военными целями союзников. Они, добавил премьер-министр, безусловно, воспрепятствуют хаосу, большевизму и гражданскому миру, а поэтому пока он будет энергично возражать против любых заявлений относительно самоопределения.

Но в этот момент переписка между Вашингтоном и Лондоном в отношении решения политических вопросов во время и после капитуляции Италии была прервана инициативами, предпринятыми штабом Эйзенхауэра в Алжире.

В Алжире ускорили подготовку к операции „Аваланш“, предусматривающей высадку морского десанта и захват прилегающей к Неаполю области. Пока шло приготовление, Эйзенхауэр и его штаб интенсивно работали над проектом окончания войны в Италии.

В конечном итоге было создано два документа. Одним было радиообращение к народу Италии с предложением прекратить борьбу; в нем в популярной форме излагалась процедура выхода из войны. В другом документе давался перечень условий перемирия, которые будут подписаны командирами в боевой обстановке. Этот документ состоял из двенадцати коротких пунктов, формулирующих степень участия в решении военных вопросов, которую будет обязано взять на себя правительство Италии. В нем не говорилось о капитуляции как о „безоговорочной“; он был детально проработан и подтверждал полномочия главнокомандующего союзнической армией в установлении военного правительства в Италии. Оставаясь свободным, это правительство подчинялось бы указаниям Объединенного штаба, принимающего решения в отношении правительства и народа Италии по ходу развития событий.

Исходящие от Эйзенхауэра инициативы не понравились Черчиллю по нескольким причинам. Во-первых, он не считал разумным в популярной форме широко оповещать население вражеского государства об условиях перемирия. Премьер-министр полагал, что итальянское правительство должно досконально представлять все наши требования; вот это будет намного правильнее и разумнее. Черчилль опасался возникновения определенного взаимопонимания между Эйзенхауэром и итальянскими властями. Во-вторых, он считал, что условия перемирия должны охватывать как военную, так и гражданскую сферу жизни. В-третьих, он думал, что будет намного лучше, если переговоры с итальянцами относительно условий перемирия будут проводить представители, назначенные им и президентом, а не генералом действующей армии. Еще больше, чем Черчиллю, идея с популярной версией условий перемирия, в которой был убежден президент, не пришлась по вкусу генералу Маршаллу.

Радиообращение Эйзенхауэра, разумным образом переделанное, содержало неоднократные заверения в отношении „честных условий“. За его выступлением не последовало никакой реакции в самой Италии, но в более поздних отчетах говорилось, что все были потрясены услышанным.

Предложенные Эйзенхауэром „краткие“ условия перемирия оказались более удачными. Для придания им большей ясности руководителями Объединенного штаба были внесены некоторые поправки. Затем, чтобы развеять опасения Черчилля и получить его согласие, условия были откорректированы еще раз. Но Черчилль высказался совершенно определенно, заявив, что считает эти условия приемлемыми только в крайнем случае, поскольку никакого согласия в отношении конкретизации условий так и не было достигнуто.

Таким образом, если бы итальянцы неожиданно потребовали мира, Эйзенхауэр уже мог представить согласованные условия перемирия. Но он был вынужден дожидаться удобного случая. В течение последующих нескольких недель, завершившихся победой кампании на Сицилии, правительство Бадольо приступило к переговорам, но не о

капитуляции, а о военном соглашении с союзниками.

Пока Эйзенхауэр выжидал возможности представить свои „краткие“ условия, в Вашингтоне американцы и британцы возобновили прерванное рассмотрение „исчерпывающих условий“. Спорные вопросы пытались урегулировать в ходе утомительных заседаний. Ученому, пытающемуся разобраться в существе дискуссий, будет не просто обнаружить, кто и по какой причине хотел добиться принятия своего решения. Поскольку по-прежнему имелись разногласия между американцами и британцами относительно политических аспектов капитуляции, Рузвельт решил хитро обойти этот вопрос. Он сомневался, есть ли необходимость записывать в условия что-то еще, помимо того, что уже отправлено Эйзенхауэру. „Почему, – спрашивал он у Черчилля, – Эйзенхауэру связывают руки документом, который может оказаться ущербным? Почему ему не дают действовать по ситуации?“

Когда Черчилль отплыл из Англии на встречу с президентом в Квебек, вопрос все оставался открытым, но, пока он находился в море, было принято решение о том, что следует добавить статью к „кратким“ условиям в отношении принятия мер в случае возникновения недоразумений при использовании условий. Эта статья уведомляла итальянское правительство, что „другие политические, экономические и финансовые условия будут переданы позже“.

К этому времени итальянцы уже предприняли попытки договориться о переговорах, касающихся условий перемирия. Несмотря на горячие заверения в преданности германскому альянсу, 31 июля Бадольо, со одобрения короля, решил отправить дипломатического представителя для установления непосредственного контакта с британским посольством в Лиссабоне. В качестве советника дипломатической миссии был выбран маркиз Д'Адже; его ранг был достаточно незначителен, чтобы рассматривать это назначение как обычный перевод. До Рима дошел слух, что он вывез из страны драгоценности Чиано.

4 августа состоялся разговор Д'Адже с сэром Рональдом Кэмпбеллом, британским послом в Лиссабоне. По уверениям Д'Адже, итальянское правительство и народ страстно желали выйти из войны и разорвать отношения с Германией. Но поскольку немцы в любой момент могут оккупировать страну, захватив в плен короля, правительство и военную верхушку, то, учитывая определенный риск, итальянцы нуждаются в помощи со стороны союзников. Исходя из этого Д'Адже предложил достигнуть соглашения между Объединенными Нациями и Италией по первоочередным военным и политическим вопросам. Кэмпбелл холодно выслушал Д'Адже. В отправленном Кэмпбеллом отчете о переговорах говорилось: „Д'Адже ни разу не упомянул о мирных условиях, и все сказанное им... было не более чем просьбой о том, что мы должны уберечь Италию не только от немцев, но и от себя самой, и сделать это как можно быстрее“.

Ожидавшее с нетерпением ответа итальянское правительство направило второго представителя, Берио, также являющегося членом итальянского дипломатического корпуса, для проведения консультаций с британским дипломатическим представителем в Танжере. Им были получены более позитивные инструкции; ему следовало сообщить, что итальянское правительство хочет обсудить условия перемирия. Задуманный план обернулся согласованным наступлением вместе с союзниками на Балканах с тем, чтобы заставить немцев вывести войска из Италии и, кроме того, высадиться в Северной Италии; по идее, итальянская армия должна была принять участие в борьбе за освобождение Италии от немцев. События показали, что правительство Бадольо предложило то, что не могло передать, – желание итальянской армии принять участие в тяжелых боях против немцев.

В тот же день, 6 августа, когда Берио сделал предложения британскому консулу в Танжере, итальянский министр иностранных дел Гуарилья и итальянский начальник штаба генерал Амбросио встретились с Риббентропом и генералом Кейтелем. Союзников уведомили, что на этой встрече не было принято никаких решений, и просили не брать ее

в расчет. На этом жульническом заседании „...Гуарилья сообщил, что изменения в правительстве Италии являются чисто внутренним делом, а Италия придерживается заявления Бадольо, что „война продолжается“. Затем Амброзио выразил недовольство тем, что Германия без особого доверия относится к обещаниям, данным Италией; итальянские военные круги удивлены большим количеством немецких дивизий, без объявления вошедших на территорию Италии. Опасность вторжения нависла над Южной Италией... но немецкие дивизии концентрировались рядом с Римом и в северной части Италии, вызывая подозрение, что германские войска имеют иные намерения, нежели защита Италии. Тогда Кейтель заявил, что ему неприятен допрос о намерениях со стороны Германии и он возмущен тем, что вместо благодарности за огромную помощь Германии в чрезвычайной ситуации, в которую попала Италия, переброска войск вызывает подозрение... Амброзио вновь подтвердил намерение итальянцев выступать на стороне Германии“.

Идеи, находясь на борту судна, направляющегося в Квебек, отправил Черчиллю сообщение, что, по его мнению, следующей инициативой со стороны Италии будет искренняя попытка обсудить условия перемирия. Черчилль и Рузвельт учли это в подготовленном ответе. Но еще до того, как этот ответ был передан итальянскому представителю в Танжере, третий итальянский эмиссар, с большими полномочиями, направился в Мадрид. Это был генерал Гуисеппе Кастеллано, заместитель главнокомандующего, сыгравший основную роль в отставке Муссолини. С точки зрения Кастеллано, нерешительность короля и Бадольо вела к трагическому исходу, обрекая Италию на неминуемую немецкую оккупацию. Кастеллано упорно пытался убедить Бадольо, чтобы тот, в свою очередь, убедил короля действовать смелее, и послать кого-то, кто будет иметь реальные полномочия для достижения соглашения с союзниками. И эта миссия была поручена ему, но он не получал от короля верительных грамот или письменных распоряжений. Поэтому миссия проходила под военной эгидой. У Кастеллано был приказ вести переговоры только с военными представителями союзников и согласовать с ними общий план действий против немцев. Кастеллано появился в британском посольстве в Мадриде с письмом к британскому консулу, сэру Самюэлю Хоаре. Он объяснил послу, что прибыл с полного одобрения короля и Бадольо для того, чтобы прийти к соглашению по вопросу о перемирии. Как и его предшественники, он просил союзников уберечь Италию от последствий союза с гитлеровской Германией. По его словам, итальянское правительство готово немедленно перебросить свои войска с Балкан и из Хорватии и согласно передать союзникам все наземные, морские и военно-воздушные силы. Хоаре заявил Кастеллано, что немедленно доложит об этом предложении. Поскольку немецкие агенты вели слежку за каждым входящим в британское посольство в Мадриде, вести переговоры там представлялось чрезвычайно опасной затеей. Посол посоветовал Кастеллано срочно отправиться в Лиссабон, куда британское правительство могло бы прислать облеченное полномочиями лицо для ведения переговоров. Кастеллано последовал этому совету.

Кампания на Сицилии завершилась 16 августа; большая часть германских сил ускользнула в Италию. На следующий день Черчилль присоединился в Квебеке к Рузвельту. А еще через день, 18 августа, Рузвельт и Черчилль на основе меморандума Объединенного штаба договорились о том, что Кастеллано получит ответ на предложения итальянской стороны через Эйзенхауэра. В Лиссабон на встречу с Кастеллано Эйзенхауэр отправил двух офицеров своего штаба, американца и британца. Главнокомандующий проинформировал офицеров, что безоговорочная капитуляция Италии должна быть принята на тех условиях, которые четко изложены в полученном им документе; это были „краткие“ условия, переданные Эйзенхауэру. Кроме того, итальянскому представителю объяснили, что от степени участия в войне итальянского правительства и народа будет зависеть то, в какой степени в пользу Италии изменятся предложенные условия. В конце концов, это оказалось военной капитуляцией.

Американский генерал Уолтер Б. Смит, начальник штаба Эйзенхауэра, и британский генерал Кеннет В.Д. Стронг, отвечающий в штабе Эйзенхауэра за военную разведку, немедленно отправились в Лиссабон. Там, в ночь с 19 на 20 августа, они выяснили, что Кастеллано все еще надеется достигнуть соглашения, с помощью которого удастся избежать официальной капитуляции и, напротив, рассматривать Италию в качестве союзника. Генералы упорно придерживались полученных распоряжений. Кастеллано получил копию „кратких“ условий вместе с заявлением, что итальянское правительство должно будет принять или отказаться от этих условий. В приложении к условиям формулировались действия, которые, по мнению союзников, итальянцы должны будут предпринять против немцев, и политические выгоды от военного сотрудничества. Кастеллано задержался с возвращением в Рим, а в это время в Лиссабон отправился еще один миротворец, генерал Занусси, прикомандированный к генеральному штабу итальянской армии.

Между тем в Квебеке американцы и британцы наконец-то пришли к общему мнению относительно „кратких“ условий. Они рассмотрели возможные формы государственного правления и мероприятия во всех сферах, политической, финансовой и административной, которые будут реализовываться после согласия Италии на безоговорочную капитуляцию. Следом началась неразбериха. Сразу же после согласования „исчерпывающих“ условий, 26 августа, британское министерство иностранных дел поручило своему послу в Лиссабоне в срочном порядке передать условия Занусси. Кэмпбелл передал условия и, кроме того, ознакомил Занусси с тем же самым меморандумом, который вручили Кастеллано (будущие преимущества в обмен на помощь в борьбе против немцев). А уже на следующий день, 27-го, Объединенный штаб приказал Эйзенхауэру в любых переговорах вместо „кратких“ условий использовать „исчерпывающие“ условия.

Это выбило из равновесия Эйзенхауэра и его штаб; они не были уверены, способен ли Кастеллано убедить Бадольо и короля выполнить акт капитуляции хотя бы на основе „кратких“ условий, которые тот повез в Рим. Кроме того, они опасались, что упустят шанс добиться быстрой капитуляции, необходимой, с их точки зрения, перед высадкой в районе Неаполя. В связи с этим Эйзенхауэр обратился к Объединенному штабу. Его решение полностью поддержал Макмиллан, английский советник по политическим вопросам. Было приказано успокоиться. Эйзенхауэру приказали попытаться подписать „исчерпывающие“ условия, но если бы это вызвало нежелательную задержку, то следовало заключить перемирие на основе „кратких“ условий, пояснив, что это всего лишь неполная, а в некотором смысле предварительная декларация мирных условий.

По мнению союзнического штаба, генерал Занусси, еще и с „исчерпывающими“ условиями в портфеле, вызывал подозрение. У них были сомнения относительно его намерений и полномочий, поэтому его поторопились отправить из Лиссабона в Алжир, по крайней мере прежде чем он смог радировать содержание „исчерпывающих“ условий в Рим. Генералы Смит и Стронг, после разговора с Занусси в Алжире, были убеждены, что ему можно доверять. Тем не менее Занусси задержали в Алжире, в то время как его переводчика отправили обратно в Рим с посланием, убеждающим согласиться на военное („краткие“ условия) перемирие и направить Кастеллано на Сицилию для подписания этих условий. После подписания условий Кастеллано вернулся в Рим. Там он не встретил особых возражений против переданных с ним военных условий, но почувствовал возросший страх перед немцами. Все, начиная с короля, хотели, чтобы объявление о перемирии было отложено до момента высадки союзников и только затем, когда их огромная армия (пятнадцать дивизий) будет уже в Италии, особенно рядом с Римом и севернее его, объявить о перемирии, пытаясь, таким образом, защитить правительство. Получив эти указания, Кастеллано отправился на Сицилию. Там 31 августа он изложил предложение генералам Смигу и Стронгу. Они решительно заявили ему, что это недопустимо; итальянское правительство должно принять предложенные условия и объявить об окончании боевых действий одновременно с основной высадкой десанта

союзников, или их будут по-прежнему рассматривать как врагов. Благодаря предоставленным Эйзенхауэром полномочиям, генералы существенно облегчили условия перемирия за счет оказания Италией помощи в войне. Они полагали, что если итальянское правительство потеряет представившийся шанс военного перемирия, то, вероятно, впоследствии будет только хуже. Оба, Эйзенхауэр и Александер, беспокоились за исход предстоящей битвы, если итальянцы не окажут поддержки, поэтому в конце переговоров они заверили, что предпримут специальные военные меры для поддержки обороны Рима.

Король и правительство Бадольо оказались перед выбором между возможностью попасть в немецкий плен или очутиться во власти союзников. 1 сентября Бадольо получил согласие короля на принятие предложений, переданных Кастеллано. Вслед за этим Эйзенхауэр получил сообщение: „Ответ утвердительный“.

Но даже после этого итальянское правительство пребывало в сомнениях относительно действенности принятых мер. Ранним утром 3 сентября десантные суда союзников, покинув Сицилию, двинулись к носку „итальянского сапога“. Кастеллано сразу же получил разрешение принять „краткие“ условия перемирия. Он подписал перемирие на командном пункте в Кассабиле. Генерал Смит подписал документы от имени Эйзенхауэра, который засвидетельствовал это, вернувшись из Алжира.

Главнокомандующий в Средиземноморье полагал, что этого вполне достаточно для осуществления безотлагательных намерений. Более того, он считал, что исчерпывающий перечень условий является слишком жестким. Но, беспрекословно выполняя приказы, Эйзенхауэр приказал генералу Смигу в тот же вечер вручить Кастеллано копию „исчерпывающих“ условий с пояснительной запиской для передачи итальянскому правительству. Этот документ начинался с заявления: „Итальянские наземные, морские и воздушные силы вне зависимости от местонахождения настоящим подлежат безоговорочной капитуляции“.

В „кратких“ условиях, в отличие от „исчерпывающих“, не была обозначена сущность капитуляции. Кастеллано возражал против процедуры и сути капитуляции и выразил сомнение, что его правительство согласится на эти дополнительные условия. С целью предупредить бурную реакцию итальянцев на этот взрывоопасный документ генерал Смит передал Кастеллано пояснительную записку, адресованную Бадольо, в которой говорилось, что „дополнительные условия оказывают влияние лишь на степень сотрудничества Италии в борьбе против немцев“. Отправленное из Квебека послание Рузвельта и Черчилля подтверждало заявление о возможном пересмотре условий.

Факт подписания перемирия сохранялся в большом секрете. Появилась мысль обнародовать его непосредственно перед высадкой союзнических войск в Салерно с тем, чтобы правительство Бадольо одновременно приказало вооруженным силам и народу Италии прекратить сопротивление.

Планировалось, что воздушно-десантные войска должны в ночь на 8 сентября захватить летные поля вблизи Рима, в то же самое время, когда союзническая экспедиция ступит на побережье Салерно. Но Бадольо (через генерала Максвелла Тэйлора, тайно прибывшего в Рим, чтобы сделать необходимые приготовления) настаивал на отмене воздушно-десантной операции, поскольку это бы для всех завершилось катастрофой. В последний момент операция была отменена, и это было разумно. Итальянцы не могли, даже если бы их заставили и они понесли тяжелые потери, защищать и поддерживать воздушно-десантные войска в борьбе против умелых и хорошо оснащенных немецких дивизий, двигавшихся к Риму. Таким образом, отпадала перспектива захвата столицы с помощью одного дерзкого, молниеносного удара. Союзнические армии готовились к долгой, изнурительной борьбе за Священный город.

Бадольо действовал нерешительно. За день до того, как союзническая экспедиция стартовала в Салерно, он попытался аннулировать согласованный договор о перемирии. Он не надеялся, что высадка произойдет раньше 12 сентября, и отправил сообщение Эйзенхауэру, в котором говорилось, что „в связи с изменением ситуации, возникшей

благодаря расположению немецких сил в окрестностях Рима, отпадает возможность немедленного перемирия, которое может спровоцировать оккупацию столицы и захват правительства немцами“. Как стало известно, военные и гражданские члены правительства Бадольо разделились на тех, кто хотел смело сражаться на стороне союзников и победить ради лучшего будущего Италии и спасения Савойской династии, и тех, кто действовал осмотрительно, опасаясь немцев, и с недоверием относился к обещаниям союзников. В этот момент сам король отказался взять инициативу на себя или назначить правопреемника.

Получив эти известия из штаба Эйзенхауэра в Алжире, Рузвельт и Черчилль тут же решили, что объявление о перемирии следует сделать, как и планировалось, независимо от действий итальянского правительства. Эйзенхауэр придерживался такого же мнения. Он спешно отправил гневный ответ Бадольо, в котором говорилось, что он собирается сообщить по радио новости о заключении перемирия в ночь на 8 сентября, и если итальянское правительство не поступит аналогичным образом, то он разоблачит их перед всем миром, аннулирует мирное соглашение и распустит правительство Бадольо.

Вечером Эйзенхауэр выступил по радио. Он заявил, что, действуя в интересах Объединенных Наций, подписал мирный договор с маршалом Бадольо и что „итальянское правительство безоговорочно сдало свои вооруженные силы“. После этого Бадольо сдался. Примерно через три часа он последовал примеру Эйзенхауэра и сообщил о мирном договоре, а далее сказал: „в связи с этим итальянские вооруженные силы повсеместно прекращают противодействие англо-американским вооруженным силам“.

Конвои союзников подтянулись к побережью Салерно. Той же ночью немецкие войска начали стягиваться вокруг Рима. В соответствии с обещанием итальянские воздушные соединения покинули порты Генуя, Специя и залив Таранто. На следующее утро королевская семья, Бадольо и руководители правительства вылетели в порт на Адриатике, оттуда в Бриндизи, где временно расположилось правительство.

Подписанный документ предоставлял Объединенным Нациям право осуществлять абсолютный контроль над Италией и отдавать любые приказы итальянскому правительству. Кроме того, это была „обусловленная“ капитуляция. Рузвельт, Черчилль и Эйзенхауэр обещали народу Италии, что будут обращаться с ним гуманно, оставляя возможность в будущем сформировать собственное правительство и занять достойное место в мире. Помимо этого, они обещали воздать должное за оказанную итальянцами помощь в войне против немцев.

Извилистый путь, который предшествовал созданию условий перемирия, задержка и замешательство перед исполнением послужили поводом для советского правительства решить, что от России что-то скрывалось, и это несмотря на реальные усилия держать советского партнера в курсе всех дел. Следует ознакомиться и с этой стороной медали, чтобы по достоинству оценить действие договора о капитуляции Италии на отношения с Советским Союзом.

Снова советская сторона; лето 1943 года

Контакты с Москвой не ограничивались только обсуждением условий капитуляции Италии; помимо этого рассматривалось множество других вопросов. Итак, я расскажу об одной фазе резких колебаний в ходе сотрудничества со Сталиным в период с июля по сентябрь.

Этот период выбран прежде всего потому, что отсрочка вторжения через Канал вызвала недовольство Сталина и послания приобрели весьма язвительный тон. В течение июля произошли резкие изменения. Идея о возможной встрече с Рузвельтом наедине повисла в воздухе. События в самой Италии и необходимость утверждения дальнейших планов ведения войны явились причиной возобновления переписки с сердитым главой Советского государства.

В советской прессе уделялось мало внимания кампании на Сицилии. Независимо от блестящих успехов проводимых операций, во всех сообщениях, как и в сообщении ТАСС от 23 июля, обычно ограничивались простым упоминанием события, поскольку это не было „...вторым фронтом, необходимым для быстрого уничтожения гитлеризма“. Однако 25 июля вся советская пресса злорадствовала по поводу низвержения Муссолини. Сталин безмолствовал. Возможно, его молчание не было преднамеренным. В течение всего июля он был на фронте, руководил обороной против массированных немецких атак и оставался там до тех пор, пока не было остановлено немецкое наступление; в начале августа русские снова захватили Орел и Белгород.

После переговоров с Иденом о событиях в Италии посол Винант 26 июля сообщил президенту и Хэллу, что Идеи особо подчеркнул тот факт, что Россия должна принять участие в консультациях относительно того, как быть с правительством Бадольо, и по вопросам условий капитуляции. Сам Винант, комментируя это сообщение, заметил: „Когда изменится ход событий и русские армии начнут наступление, нам, возможно, очень захочется оказать влияние на условия капитуляции и оккупацию союзнической и вражеской территорий“. Кроме того, посол в Москве Стэндли предупредил о беседе ведущего политического обозревателя Ильи Эренбурга с американскими корреспондентами, в которой этот общественный деятель упрекнул президента за отказ выступить по радио с критикой Бадольо и короля. Эренбург ехидно поинтересовался, собираются ли американцы и дальше иметь дело с фашистами и не будут ли они общаться с Герингом и ему подобными в Германии.

В это самое время Министерство иностранных дел Советского Союза сообщило Стэндли, что посол Майский не будет возвращаться в Лондон, а останется в Москве в качестве одного из помощников комиссара по иностранным делам. Наиболее информированные наблюдатели восприняли перевод этого человека, известного своим дружеским отношением к Западу, как сигнал к тому, что Москва хочет продемонстрировать жесткую позицию. Более оптимистично настроенные решили, будто это означает, что советское правительство встревожено разногласиями с Западом и хочет, чтобы Майский направлял ход будущих переговоров. Стэндли относился к тем, кто был склонен относить перемещение Майского за счет второй причины.

Кроме того, 30 июля Стэндли решительно порекомендовал Хэллу не запаздывать с сообщениями в адрес советского правительства о том, что происходит в Италии. Хэлл немедленно попросил Винанта обсудить с Иденом, не наступил ли момент удовлетворить советский запрос, сделанный месяц назад, относительно посещения Северной Африки в порядке ознакомления с ситуацией. Кроме того, Хэлл представил на рассмотрение президенту информацию о ходе событий в Италии, которую можно было бы послать в Москву в качестве совместного американско-английского послания. Как только она была одобрена, Хэлл 1 августа попросил Винанта обсудить ее с британским министерством иностранных дел.

Позже Винант узнал, что советское посольство в Лондоне уже ознакомилось с информацией о ситуации в Италии. Несколькими днями раньше министерство иностранных дел передало копию отчета о положении дел Британии в Италии, который был предназначен для британского посольства в Вашингтоне. Последний проект акта о капитуляции („исчерпывающие условия“), которому британцы подчинились по приказу Объединенного штаба, внес изменения в ранее разработанный план. Поступая подобным образом, министерство иностранных дел Британии ясно давало понять, что это было временное соглашение с американским правительством, которое еще подлежит пересмотру. Соболев, советский поверенный в делах, после консультации с Москвой объяснил британскому министерству иностранных дел, что советское правительство рассматривает „исчерпывающие“ условия как соответствующие действительности и считает их совершенно правомерными. К этому времени „краткие“ условия, с внесенными исправлениями, были одобрены и в случае необходимости Эйзенхауэр был уполномочен

представить их итальянцам. Затем Британия передала русским копию „кратких“ условий (их вручил в Москве Молотову Кларк Керр) с объяснением обстоятельств, при которых они могут быть использованы. Этот документ советское правительство не комментировало. Трудно было с уверенностью определить статус двух таких отличных друг от друга перечней условий и понять, какой из них сыграет необходимую роль, когда придет нужный момент.

Следующее послание Хэлла Молотову учитывало происходящее между британским и советским правительствами. Дружеское послание, переданное 5 августа советскому министру иностранных дел, шло от имени американского правительства. В нем говорилось, что Эйзенхауэр уполномочен принять безоговорочную капитуляцию от любого, кто может ее предложить, обеспечить меры, необходимые для поддержания порядка и защиты союзнических сил в Италии и подготовки будущих военных операций. В послании говорилось, что американское правительство знает, что британское правительство уже ознакомило Молотова с „нашими совместными идеями относительно условий капитуляции Италии“. Далее говорилось (текст дан в пересказе): „Правительство Соединенных Штатов продолжает разделять точку зрения, что самое главное, чтобы правительства Соединенных Штатов, Британии и Советского Союза полностью информировали друг друга относительно развития событий в разных регионах, в которых соответственно действуют их вооруженные силы, а также они должны поддерживать постоянную связь между собой относительно хода развития политических событий, поскольку это непосредственно связано с изменением военной ситуации. Американское правительство будет всегда приветствовать любые предложения со стороны советского правительства. Мы будем рады ответить на любой вопрос, который советское правительство захочет задать относительно положения в Италии“.

Хэлл тут же ознакомил Идена с этим посланием Молотову. Тогда же он попросил Винанта убедить Идена, что, по его мнению, министерство иностранных дел, перед отправкой послания советскому правительству, должно провести консультации с американскими коллегами; пренебрежение к этому вопросу может создать в Москве впечатление, что британское правительство пытается действовать в качестве посредника.

Советское правительство в течение нескольких недель не задавало никаких вопросов относительно будущих изменений в позиции союзников и усилий, направленных на капитуляцию Италии. Это было как нельзя кстати; Хэлл и сам „с балкона“ наблюдал за всем происходящим. Американские и британские разработчики „исчерпывающих“ условий пока еще не могли прийти к общему решению по нескольким важным вопросам, касающимся королевской власти и сферы деятельности военной администрации Италии.

На протяжении всех этих недель Черчилль, по его словам, был занят улаживанием формальных вопросов, связанных с капитуляцией Италии, через дипломатические каналы. Премьер-министр не собирался действовать осмотрительно; его совершенно не волновало, какие мысли в связи с его действиями могут посетить русских, поскольку он не получил ответа на последние сообщения по другим вопросам, посланные Сталину. По пути в Квебек Черчилль сначала хотел с борта корабля отправить Сталину поздравительную телеграмму в связи со взятием Орла, но, поскольку Сталин никак не отозвался об успехах союзников на Сицилии, Черчилль тоже решил промолчать. Он вслух задавался шутливым вопросом, не побоится ли президент присоединиться к нему в сообщении, заканчивающемся такими словами: „Возможно, это не привлечет вашего внимания, но значительные военные операции, проводимые в Средиземноморье, привели к отставке Муссолини“. Вероятно, Черчилль был излишне чувствительным; события на Сицилии могли показаться русским стычкой по сравнению с борьбой не на жизнь, а на смерть в районах Курск – Орел – Харьков, относительно которых Черчилль впоследствии писал: „Эти три колоссальные битвы за Курск, Орел и Харьков, вместившиеся в пространство двух месяцев, оставили на Восточном фронте руины германской армии“.

В отправленном все-таки поздравлении Сталину не было ни намека на обиды, ни

тени шутки. Сталин вернулся в Москву, ободренный действиями Красной армии, и немедленно, 10 августа, отправил Черчиллю дружеский ответ. Он объяснил свое молчание присутствием на переднем крае. На следующий день Черчилль, информируя короля о прибытии в Квебек, заметил: „Хочу также обратить внимание Вашего величества, что я получил сообщение от Большого Медведя и мы опять говорили или, скорее, огрызались по поводу условий“.

Вечером 11 августа Стэндли и Кларк Керр вместе сообщили Сталину и Молотову последние секретные известия, полученные от своих правительств: итальянские эмиссары прибыли в Лиссабон и Танжер для ведения переговоров относительно отделения Италии от Оси. Выслушав это, Сталин сказал, что необходимо остерегаться Бадольо; он хитер и коварен, не вызывает доверия и будет пытаться обмануть Гитлера, короля Италии и, конечно, британцев и американцев. (Не могу удержаться, чтобы не задать вопросом, знал ли Сталин о недавней встрече Гуарильи с Риббентропом.) Кларк Керр ответил, что надеется, американцы и британцы не будут одурачены Бадольо. Как почувствовали послы, Сталин холодно отреагировал на это замечание и напоследок заметил: „Теперь, когда итальянцы не стоят на пути, вы, должно быть, сможете открыть второй фронт“.

Через несколько дней, 16 августа, Молотов известил, что из Вашингтона отзывается советский посол Литвинов; якобы Сталин хотел держать его под рукой для консультаций. Но досужая пресса связывала это перемещение с недовольством русских относительно неудачных попыток Литвинова уговорить союзников приступить к вторжению во Францию. Собственно говоря, предполагалось, что советское правительство хочет сильнее наказать союзников и активно демонстрирует свое стремление.

Последние немцы в панике убрались с Сицилии. Рузвельт и Черчилль в Квебеке отклонили предложение Каstellано о разработке совместного плана военных действий. Ответ они передали через Эйзенхауэра: безоговорочная капитуляция на основе „кратких“ условий и обещание, что они могут быть облегчены как награда за помощь Италии в борьбе против немцев.

Президент и премьер-министр незамедлительно информировали Сталина о последних предложениях итальянцев и о распоряжении, которое они отдали Эйзенхауэру. Неизвестна дата его отправки, поскольку не удалось обнаружить оригинала послания. Мой единственный источник – книга Шервуда „Рузвельт и Гопкинс“, где в примечаниях указывается, что послание датируется 16 августа. Но это может быть неточным, поскольку до 18-го числа не было связи с Москвой.

Они заявили, что, по их мнению, итальянцы искренни в своих предложениях, но они все-таки не собираются предлагать Италии становиться союзником. Рузвельт и Черчилль объяснили, что, поставив Эйзенхауэру условие обеспечения быстрой военной капитуляции, они рассчитывали на эффект молниеносности и неожиданности. В частности, они пытались предотвратить возможный риск, связанный с установлением немецкими войсками контроля над Италией до высадки союзников на „палец“ полуострова и у Салерно, ниже Неаполя.

К этому времени Черчилль, Рузвельт и их начальники штабов углубились в рассмотрение программы всемирной стратегии, которая обязывала западных союзников к проведению операции через Канал. Поэтому следующая ссора со Сталиным относительно событий в Италии носила скорее ироничный характер.

Несмотря на то что американцы и британцы все еще не могли завершить работу над окончательным проектом „исчерпывающих“ условий, зайдя в тупик по нескольким основным вопросам, Черчилль направил последнюю, удачную версию британскому послу для передачи Сталину. Она была передана в Москву 20 августа в несколько неполном виде; в одном предложении была допущена ошибка, и отсутствовало последнее предложение из двенадцати слов. Кларк Керр немедленно передал полученное послание. По неясным причинам небольшие, не имеющие существенного значения ошибки в тексте привели Сталина в ярость. А может, не желая прямо заявить о своем неприятии этих

условий, он таким образом выразил свои чувства. В послании Черчиллю и Рузвельту, датированном 22 августа и переданном через советское посольство в Белый дом, Сталин подтвердил получение сообщения и фактически заявил, что Идеи, разговаривая с Соболевым в Лондоне, сказал неправду, когда сообщил, что Москва владеет всей информацией относительно переговоров в Италии. Кроме того, в последнем сообщении ничего не сказано о конвоях и опущен последний параграф. И хотя Кларк Керр, передавая текст, успокоил его, Сталин заявил, что хотел через три дня получить полный, исправленный текст, но так и не получил его и не может понять задержки в передаче столь важной информации. На самом деле 22 августа Кларк Керр передал Молотову полный откорректированный текст. Возможно, Сталин не знал, что Керр сделал это.

Однако послание Сталина не было полностью негативным. В нем Сталин настаивал на немедленном принятии мер по организации регулярных консультаций по всем вопросам, касающимся потерпевших поражение партнеров Германии. Потребовалось некоторое время на рассмотрение этого вопроса. В июле британское правительство предложило правительствам Соединенных Штатов и Советского Союза создать европейскую комиссию, во-первых, для координации выполнения условий капитуляции, или военного перемирия, и, во-вторых, для разработки перспективных планов в отношении мер безопасности и для решения экономических вопросов. Хэлл, после проведения консультаций с президентом, сообщил, что это удачная мысль, но, по его мнению, комиссия должна иметь только одно из этих двух назначений. Пожалуй, британскому и советскому правительствам в будущем стоит обсудить эту идею. Пока же Сталин сообщил Черчиллю и Рузвельту (как следует из нескладного английского пересказа): „Я надеюсь, что пришло время для организации военно-политической комиссии, состоящей из представителей трех стран: Соединенных Штатов, Великобритании и Союза Советских Социалистических Республик, с целью рассмотрения вопросов, касающихся переговоров с правительствами отделившихся от Германии государств. До настоящего момента дело обстояло так: Соединенные Штаты и Великобритания договаривались, а Советский Союз, как третий пассивный наблюдатель, только получал информацию относительно результатов переговоров между двумя странами. Должен сказать, что дальше терпеть такое положение невозможно. Я предлагаю создать комиссию и на первое время определить ее местопребывание на Сицилии“.

Это важное послание 24 августа было передано из Вашингтона в Квебек. В тот же вечер, перед обедом, Рузвельт сказал: „Мы оба ненормальные“. Гарриман попытался поднять настроение. Он напомнил президенту фразу из одного послания Черчилля, которая вызвала упреки со стороны Сталина: „Меня абсолютно не волнует ваше заявление“. Затем, продолжил Гарриман свой рассказ, перед отправкой Сталину премьер-министр показал ему это послание и попросил прокомментировать, но он только сказал, что все правильно. Президент хохотал во все горло, а премьер-министр лишь фыркнул. Хотя Идеи и Исмей уговаривали Черчилля проще смотреть на вещи, он не простил Сталину оскорблений. После обеда, разговаривая с Гарриманом, Черчилль мрачно заметил, что он предвидит „в будущем кровавые последствия“ (используя слово „кровавые“ в его буквальном значении) и считает, что Сталин бессердечный человек, с которым у них еще будут серьезные неприятности.

Следующее сообщение по этим вопросам Сталин передал Рузвельту и Черчиллю через Соболева, советского представителя в Лондоне. Не знаю, было ли получено это сообщение до или после следующей серии сообщений, отправленной 25 августа, но, вероятно, все-таки раньше. Сталин, после обсуждения текущих предложений для встречи глав государств или министров иностранных дел (об этом мы еще поговорим), опять изложил свое мнение относительно Италии и военно-политической комиссии. Не принося извинений, Сталин подтвердил получение совместного послания, в котором сообщалось о выданных Эйзенхауэру распоряжениях и приводился полный текст „исчерпывающих“ условий. Как невозмутимо заметил Сталин, эти условия полностью нацелены на

безоговорочную капитуляцию, а потому не вызывают никаких возражений. В любом случае, добавил Сталин, он полагает, что полученной им информации недостаточно, чтобы позволить судить о принятых мерах, и он повторяет, что пришло время для созыва военно-политической комиссии, относительно которой он уже говорил в предыдущем ответе.

Наконец 25 августа между американцами и британцами было достигнуто окончательное соглашение о содержании „исчерпывающих“ условий. Копия документа немедленно ушла в Москву. Керру и Стэндли следовало передать ее Сталину и объяснить, что любые замечания будут внимательно рассмотрены, но советское правительство все же должно учитывать зависимость от временного фактора. В ночь на 26 августа Kerr и Стэндли вручили документ Молотову для последующей передачи Сталину. Ни до этого, ни после не было и мысли, что это дискреционные условия; в том случае, если итальянцы оказывали военную помощь в борьбе против немцев, условия могли быть облегчены.

Тогда же послы передали личное послание Сталину от Рузвельта и Черчилля, в котором говорилось о серьезных решениях, принятых в Квебеке по поводу военных операций 1943-го и 1944 годов, о которых уже говорилось ранее. Вероятно, этот отчет, в котором прямо указывалось на долгожданную операцию через Канал, заслуживал благожелательного ответа, который тут же и последовал. На следующее утро, без долгих раздумий, Молотов отправил послание в знак одобрения дополнительных условий капитуляции Италии. Кроме того, советское правительство уполномочило Эйзенхауэра подписать условия от его имени. Дело затормозилось до тех пор, пока итальянское правительство не уполномочило Кастеллано принять предложение союзников и отправиться на Сицилию для подписания договора о перемирии. Рузвельт и Черчилль немедленно, 2 сентября, отправили совместное сообщение Сталину. Они сообщили, что отдано на усмотрение Эйзенхауэру – подписать „краткие“ условия (которые Сталин видел, но никак не прокомментировал) или „исчерпывающие“ условия (которые он полностью одобрил). В заключение они сообщили Сталину, что поскольку Эйзенхауэр получил право подписи от имени советского правительства, то ему также дано право выбора условий, в зависимости от ситуации. Молотов тут же ответил, что право подписи относится только к „кратким“ условиям.

Эйзенхауэру как главнокомандующему союзнических войск, действующему по полномочию правительств Соединенных Штатов и Великобритании и в интересах Объединенных Наций, были переданы „краткие“ условия. Договор подписал генерал Уолтер В. Смит от имени Эйзенхауэра; советское правительство не представлял никто.

Подписанный договор о капитуляции наделял Эйзенхауэра всей полнотой власти для приведения в исполнение условий перемирия и, по-видимому, давал право формировать и управлять любой структурой, необходимой для выполнения этой задачи. В договоре не указывалось, какая часть вопросов, связанных с Италией, и кем из Объединенных Наций должна быть взята под наблюдение и контроль. Вскоре советское правительство потребовало свою часть этих полномочий. Кроме того, Сталин настаивал на предложении о формировании военно-политической комиссии для обсуждения всех переговоров с правительствами, отделившимися от Оси. Но эти вновь возникшие проблемы будет лучше всего объяснить вместе с рассмотрением последующих периодов капитуляции Италии, поэтому я вернусь к ним несколько позже. На фоне этого неожиданно возникшего разговора относительно капитуляции Италии по-прежнему продолжались переговоры о встрече глав правительств или министров иностранных дел. Несмотря на досаду, вызываемую невероятной подозрительностью Сталина, Рузвельт не терял надежды на благоприятный исход их встречи. Как выяснилось, в начале сентября в ходе беседы с Гарриманом по поводу его отправки в Москву в качестве посла президента в основном занимала мысль о встрече со Сталиным. Рузвельт признавал, что Россия обладает достаточной силой, чтобы захватить любую часть Центральной и Восточной Европы. Но он планировал удержать ее от этого шага, употребив все мировое влияние. Он

намеревался апеллировать к стремлению Советов занять равноправное положение за столом переговоров. Кроме того, Рузвельт надеялся удовлетворить желание Сталина, согласившись в целях превентивных мер поддержать его инициативу о разделе Германии. Президент надеялся, что предложения помощи по восстановлению ущерба, нанесенного Советскому Союзу войной, сделают его позицию более убедительной. В итоге Россия должна была занять достойное место среди великих держав, заручиться обещанием защиты от будущих врагов и получить помощь для восстановления нормальной мирной жизни. Она могла бы иметь все это и даже больше.

Тесное сотрудничество с Черчиллем при разработке условий капитуляции Италии и совместной международной стратегии выдвинуло на первый план необходимость встречи руководителей государств, поэтому теперь Рузвельт приглашал Сталина уже не на конфиденциальную встречу, а на конференцию глав государств. На это маршал ответил (в этом послании, полученном в Квебеке 25 августа, шла речь о капитуляции Италии), что в ближайшем будущем он не может покинуть боевые позиции. Следует отметить, что это могло послужить оправданием; немцы двинули свежие дивизии на восток, а все советские военачальники рапортовали непосредственно Сталину. Черчилль предпринял последнюю попытку, предложив встретиться в Москве, но вскоре они с Рузвельтом оставили всякие усилия добиться встречи со Сталиным. Они поддержали идею проведения в скором времени первой встречи министров иностранных дел. Теперь переписка коснулась проблем предстоящей встречи: выбора времени, места и программы переговоров. Черчилль предложил Лондон. Рузвельт предпочитал какое-нибудь более уединенное место, где переговоры были бы защищены от вмешательства репортеров, например Касабланку или Тунис. Сталин настаивал на Москве. Все согласились на проведение встречи в октябре в Москве.

За день до высадки в Салерно, 8 сентября, Сталин заявил, что позже будет готов встретиться с Рузвельтом и Черчиллем в Иране. Он нашел приемлемым предложение Рузвельта относительно времени проведения: между 15 ноября и 15 декабря. Президент тут же ответил, что считает вопрос времени решенным, но не уверен, в связи со своей загруженностью, что сможет уехать так далеко от Вашингтона.

Как только началась изнурительная римская кампания, три члена коалиции опять потянулись друг к другу.

Под солнцем удачи растаяли все обиды и недовольство. Красная армия, надежно защищая Москву, упорно двигалась на запад по всей огромной протяженности фронта, простирающегося до Черного моря. Гигантская линия атаки, в которую Гитлер в безумии бросил всю энергию немецкой молодежи, отступила назад. Опять хлынул поток поздравлений. В совместном послании Рузвельт и Черчилль сообщили Сталину, что их войска высадились рядом с Неаполем. Послание Сталина от 14 сентября начиналось со слов: „Не может быть сомнения, что успешная высадка в районе Неаполя и разрыв Италии с Германией нанесут еще один удар по гитлеровской Германии и значительно облегчат действия советских армий на советско-германском фронте“.

Что и было доказано. Гитлер пока еще отказывался перебрасывать основные резервы с советского фронта, но был вынужден двинуть многочисленные дивизии, наземные моторизованные, в Италию и на Балканы, используя там значительные силы и большое количество топлива, нехватка которых вскоре должна была отразиться на Востоке.

Приближалось время встречи специалистов, принимающих решения; военные и политические события составляли движущую силу этой встречи. Настойчиво требовали обсуждения возможность и результаты ближайшей атаки на немецкие вооруженные силы. Если, как надеялись союзники, недавние победы на фронтах приведут к стремительному взлету, вскоре придется принимать решения относительно стран, вырвавшихся из рук Германии. Между членами коалиции оставались нерешенными проблемы политического свойства, в отношении намерений и власти. Доказательством этому служили события, происходящие в Италии. Поскольку характер процессов, возникавших в этой стране,

послужил моделью для последующих событий и дискуссий, следует вернуться к рассмотрению этих вопросов, благодаря которым коалиция набиралась опыта.

Переход Италии в военные союзники

Добившись победы в жестокой борьбе за Неаполь и прилегающие районы, союзники оказались перед проблемой сотрудничества, оставленной без внимания в договоре о перемирии, спешно подписанном 3 сентября. Бадольо убеждал в необходимости предоставить Италии статус союзника или частичного союзника. „Можем ли мы, – допытывался он у генерала Макфарлана, офицера связи с королем и правительством в Бриндизи, – совершить переход от жертв перемирия к бенефициариям альянса?“

8 сентября Эйзенхауэр потребовал новых распоряжений. Он советовал признать правительство Бадольо в качестве союзника в войне, пообещав им, во-первых, представительство в коалиции, во-вторых, проведение свободных выборов и созыв конституционной ассамблеи и, в-третьих, оставить свободным путь для возможного, в случае необходимости, отречения от престола короля в пользу его сына или внука.

Эйзенхауэр хотел, чтобы как можно большее число итальянцев приняли участие в боевых действиях. До этого времени оказываемая Италией помощь оказывалась меньше, чем предполагалось ранее. Как раз незадолго до этого Эйзенхауэр сообщил Маршаллу: „Итальянцы настолько духовно слабы и бездеятельны, что мы получаем от них мало практической помощи. Однако почти на чистом блефе мы завладели итальянским флотом на Мальте и благодаря капитуляции Италии смогли захватить Таранто и Бриндизи, где не было немцев“.

Но в последующем послании с рекомендациями в адрес Объединенного штаба Эйзенхауэр более взвешенно рассматривает прошлые действия в отношении будущих возможностей: „Выгоды, которые мы уже получили от перемирия, огромны. Мы почти без боев провели операции „Батресс“ (нападение на „носок“ Италии), „Гоблит“ (высадка на „подъем“ Италии) и „Маскит“ (высадка на „пятку“ Италии): вскоре проведем „Бримстон“ (Сардиния) и „Фаербренд“ (захват Корсики), не говоря уже о флоте. Однако впереди нас ждет серьезная и рискованная операция, полный или частичный успех которой будет зависеть от наших отношений с итальянцами“.

К этому высказыванию Эйзенхауэр добавил: „Я понимаю, что предложенная мной линия поведения может вызвать политический отклик, значительное противодействие и подвергнуться критике. Я убежден, что в связи с военной необходимостью определяющим фактором должно являться возложенное на нас бремя“.

Предложения Эйзенхауэра произвели впечатление на Черчилля. Острый ум того тут же преобразовал их в программу. Несмотря ни на что, Черчилль считал, что итальянское правительство должно потребовать подписания „исчерпывающих“ условий, поскольку некоторые из „исчерпывающих“ условий перемирия, вероятно, не скоро будут приведены в исполнение, и если будут выполнены эти обещания, то Италия станет союзником в войне. Для этого у Черчилля и военного кабинета была практическая причина: ему хотелось установить законную власть главнокомандующего таким образом, чтобы ему не приходилось спорить с итальянским правительством по поводу отдаваемых им приказов и выдвигаемых требований, поскольку союзные войска продвигались с боями на север. Более того, Черчилль и военный кабинет хотели быть уверены, что Италия не будет действовать только по принуждению, а будет с желанием исправлять нанесенный войной или явившийся следствием политических маневров вред.

Черчилль изложил эти мысли в отдельных посланиях для Рузвельта и Сталина. Письмо, отправленное в Вашингтон, пересеклось в пути с письмом Рузвельта Черчиллю. В письме президент сообщил текст директивных указаний, которые будут даны Эйзенхауэру после согласования с Черчиллем. Разница между указаниями президента и предложениями Черчилля была в нюансах. Президент давал больше свободы

главнокомандующему в проведении собственной стратегии для обеспечения военных целей. Кроме того, его директивы предохраняли от опасности, что признание союзниками короля и правительства Бадольо укрепит их власть против желания народа. Здесь приводятся основные положения директивных указаний Рузвельта.

1. Эйзенхауэру приказали повременить с применением „исчерпывающих“ условий до поступления особых распоряжений.

2. На случай возникновения военной необходимости Эйзенхауэру были даны полномочия смягчить условия перемирия с тем, чтобы предоставить возможность для борьбы итальянцев против немцев.

3. Правительству Бадольо, при условии объявления им войны Германии, будет позволено действовать в качестве правительства Италии, которое будет рассматриваться как союзник в войне. При этом должно быть совершенно ясно, что у народа Италии должно оставаться право принять решение относительно той формы правления, которую они в конечном счете хотели бы иметь.

4. Главнокомандующий союзнической армии должен объединить под своим началом военную комиссию, которая, обладая соответствующими полномочиями, будет осуществлять контроль над деятельностью правительства Бадольо во всех сферах.

Содержание этого документа Рузвельт переправил в американское посольство в Москве для передачи Сталину с целью информации и, не настаивая на собственном мнении, для выяснения точки зрения советского вождя. К моменту получения послания от Рузвельта (к вечеру 22 сентября) Сталин уже написал и отправил ответ премьер-министру. В нем он сообщил о согласии с предложенными идеями, включая требование в отношении подписания „исчерпывающих“ условий правительством Бадольо, с единственной оговоркой: нет никаких причин для смягчения условий перемирия, особенно учитывая то обстоятельство, что они не могли быть реализованы в тех областях Италии, которые были заняты немцами. По мнению Черчилля и Рузвельта, не было времени дожидаться ответных комментариев из Москвы, поскольку требовалось безотлагательно выдать Эйзенхауэру руководящие указания для переговоров с правительством Бадольо. Черчилль сообщил Рузвельту, что согласен с предложенными директивными указаниями, что же касается времени предъявления „исчерпывающих“ условий, то в этом он полагается на президента. Получив ответ Черчилля, Рузвельт сразу же, 23 сентября, приказал Эйзенхауэру приступить к выполнению директивных указаний. Двумя днями позже президент получил послание от Сталина, в котором тот выражал сомнения относительно полезности смягчения условий перемирия, и поддерживал необходимость сосредоточения всей полноты власти для руководства и контроля над действиями правительства Бадольо в руках комиссии, находящейся под непосредственным началом главнокомандующего союзнической армии. Давайте остановимся подробнее на переломном моменте, который вызвал разногласия по вопросу, чья стратегия должна быть принята на период перемирия в Италии. Этот вопрос вызвал горячие споры.

В то же самое время политические советники Эйзенхауэра, Макмиллан и Мерфи, вели с Бадольо ожесточенные споры относительно „исчерпывающих“ условий. Бадольо мучился от мысли, что придется подписывать эти условия. Он пытался добиться, чтобы Италия была признана в качестве союзника, но ему объяснили, что это невозможно. Свое несогласие с „исчерпывающими“ условиями Бадольо основывал на трех моментах. Первое. Генерал Кастеллано 3 сентября не согласился на безоговорочную капитуляцию. Вопрос, как было на самом деле, является огромным искушением для детектива, желающего распутать политические интриги и недоговоренности; но я не буду посвящать этому сколько-нибудь времени. Вторым основанием для протеста Бадольо служило то, что союзники внесли существенные изменения в условия и утвердили их только 3 сентября. Доказательством этого утверждения, которое фактически являлось обвинением в недобросовестности, служило только собственное мнение Бадольо относительно значения перемирия. И наконец, Бадольо выражал недовольство тем, что многие из

„исчерпывающих“ условий не могут быть воплощены в жизнь до конца. Это соответствовало действительности по нескольким причинам, наиболее важной из которых была та, что немцы контролировали большую часть Италии, а правительство Бадольо – меньшую.

Пока шли эти грязные пререкания с Бадольо, Черчилль опять, 24 сентября, изменил линию поведения. Макмиллан сообщил Черчиллю, что, по его мнению, в течение нескольких ближайших дней Бадольо подпишет „исчерпывающие“ условия, и чем на дольше затянется подписание, тем больше это вызовет споров. Тогда премьер-министр объяснил президенту, что следует поторопиться с подписанием, чтобы избежать возможных сложностей. Принимая во внимание, что в своем послании Черчиллю Сталин заявил, что поддерживает эти действия, президент решил согласиться с ними. В этой связи Рузвельт пересмотрел директивные указания и попросил Эйзенхауэра как можно быстрее добиться подписи Бадольо под „исчерпывающими“ условиями.

В это время произошел разлад в отношениях между Бадольо и королем. Бадольо уговаривал короля объявить войну Германии. Король категорически отказывался, по крайней мере до тех пор, пока правительство не водворится в Риме. Он утверждал, что немцы оккупировали уже более пяти шестых территории Италии и, безусловно, ответят жесточайшими репрессиями. Кроме того, король не собирался поддерживать обещание, данное Макфарланом, что впоследствии народ Италии сам будет принимать решение в отношении правительства, поскольку „крайне опасно оставлять выбор послевоенного правительства за народом Италии“.

Заместитель Эйзенхауэра, генерал Смит, отправился в Бриндизи, чтобы договориться о встрече Бадольо с Эйзенхауэром на Мальте. Бадольо все же ухитрился получить разрешение короля подписать „исчерпывающие“ условия, но сделал попытку подстраховаться в отношении заявления, которому активно противился король: неограниченное право народа Италии на выбор собственного правительства. По мнению Бадольо, монархия была необходима для стабилизации и единства государства.

Бадольо отправился на Мальту для встречи с Эйзенхауэром. Там он опять попытался изменить условия перемирия, по определению Черчилля, „избавиться от условия безоговорочной капитуляции“. Вероятно, его основной целью было сохранить чувство собственного достоинства Италии. Бадольо так отстаивал свою позицию, что Эйзенхауэр был вынужден предупредить его, что, если он не подпишет условия, это повлечет за собой ужасающие последствия. Италия, как потерпевшая поражение страна, будет оккупирована. 29 сентября Бадольо подписал условия перемирия.

Немного позже Эйзенхауэр посоветовал внести частичные изменения в „исчерпывающие“ условия. 1. Изменить название с жесткого „Акт капитуляции“ на „Дополнительные условия перемирия с Италией“. 2. Записать последнюю фразу в параграфе 6 вступления в редакции „...и безоговорочно признать маршала Пьетро Бадольо, главу итальянского правительства, являющегося главнокомандующим итальянских наземных, морских и воздушных сил, официально назначенным на эту должность итальянским правительством“. 3. Аннулировать из параграфа 1 (А) следующую фразу: „Итальянские наземные, морские и воздушные силы капитулируют безоговорочно“.

Рузвельт и Черчилль согласились на эти предложения. 1 октября Рузвельт сообщил Сталину о предложенных поправках и поинтересовался, согласится ли он с ними. Сталин ответил, что не возражает. В результате документ предусматривал безоговорочное принятие определенных текстом условий. Изменения были включены в протокол, подписанный 9 ноября.

После подписания условий Эйзенхауэр вручил Бадольо письмо, в котором сообщалось, что некоторые статьи документа уже аннулированы, а какие-то не могут быть сразу выполнены. Далее сообщалось, что следует понимать: „краткие“ и „исчерпывающие“ условия перемирия могут время от времени подвергаться изменениям в

случае военной необходимости или в зависимости от степени лояльности итальянского правительства. Кроме того, Эйзенхауэр пообещал Бадольо, что этот документ о капитуляции будет „абсолютно секретным“.

Рузвельт и Черчилль согласились, что именно так и следует поступить.

Эйзенхауэр добивался обещания немедленного объявления войны Германии. Бадольо, пытаясь соотнести свою позицию с пожеланиями короля, возражал. Тогда Эйзенхауэр прямо объяснил Бадольо, что его правительство будет носить откровенно антифашистский характер, действуя бок о бок с союзниками, а поэтому убеждал скорее переходить на сторону союзников.

Эйзенхауэр поблагодарил Бадольо за проведенную работу и выразил надежду, что их встреча даст свои положительные результаты. В соответствии с записью, сделанной Мерфи во время беседы. Бадольо, в частности, ответил: „...это все напоминает ситуацию, когда в 1918 году в момент нанесения решающего удара по немцам бок о бок с итальянской армией воевали три британские дивизии и американский полк, принявшие участие в разгроме Германии“.

Американское и британское правительства все еще не пришли к общему мнению относительно степени политических преобразований, которые следует произвести в Италии, и когда это лучше сделать, раньше или позже. Президент, Гопкинс и Хэлл одинаково неохотно признали военные соглашения с правительством Бадольо и королем, рассматривая их как необходимые приемы, оправданные только военной выгодой и необходимостью в послушном правительстве на то время, пока в Италии находятся союзнические войска. Они надеялись, что наступит момент, когда управление перейдет к политической группе, не имеющей ничего общего с Муссолини и фашизмом. В той же мере это относилось к временной терпимости по отношению к королю Виктору-Эммануилу. Президент, Гопкинс и Хэлл считали, что король показал себя нерешительным и недееспособным человеком, а учитывая его согласие с режимом Муссолини, ему вообще-то следует отказаться от престола и передать полномочия внуку. Кроме того, они остерегались политических уловок, которые уменьшали возможность народа Италии решать, хотят ли они иметь монархию и в какой форме.

Черчилля не волновало, на какой основе формируется сотрудничество с королем и правительством Бадольо. У него не было, подобно американцам, угрызений совести относительно сотрудничества с находящимися у власти бывшими фашистами. Между прочим, Черчилль был крайне осторожен в вынесении приговоров королям и узаконенным королями правительствам. Его больше, чем негодование („интриги“, как он их называл) левых, оппозиционных фашизму партий, беспокоили возможные беспорядки и вероятность возрождения большевизма в Италии. Поэтому Черчилль находил, что разумно поддерживать власть Бадольо и короля, по крайней мере до тех пор, пока ситуация находится под контролем. Он хотел выждать, чтобы восстановить политические партии в Италии и вынудить группировку Бадольо разделить власть с другими или вообще отступить.

Ожесточенные споры относительно существа и выбора момента для преобразований в правительстве Бадольо и в Савойской династии закончились временным компромиссом. Следовало предпринять усилие, чтобы убедить или, скорее, принудить Бадольо осторожно начать преобразования в правительстве. Решение относительно окончательной участи и будущего монархии было отложено до взятия Рима, когда намного большее число итальянцев смогли бы засвидетельствовать свои пожелания. Поэтому пока шло согласование времени, на протяжении двух недель между подписанием „исчерпывающих“ условий (29 сентября) и объявлением Италией войны Германии (30 октября) американцы и британцы подталкивали правительство Бадольо к преобразованиям; британцы кончиками пальцев, американцы – всей пятерней.

Бадольо неохотно реагировал на совет о реформации действующего правительства на том основании, что лидеры либеральных группировок относились к „призракам

прошлой эпохи“. Скорее всего, он согласился лишь из боязни получить отставку. В осторожных выражениях Эйзенхауэр убедил Бадольо обнародовать программу на случай объявления войны Германии. Бадольо объяснил народу, что собирается „укомплектовать“ правительство, попытавшись ввести в него представителей от каждой демократической партии. Он объяснил, что эти меры не повлияют на свободу выбора формы правления после установления мира.

В совместной декларации, опубликованной 13 октября, Рузвельт, Черчилль и Сталин признали Италию в качестве союзника в войне. Они отметили, что одобрительно относятся к политическим стремлениям Бадольо, и особо подчеркнули значение заявления Бадольо. Теперь путь был свободен. Заручившись поддержкой Советского Союза, можно было следовать единой тактике, во-первых, во взаимодействии с королем и правительством Бадольо, во-вторых, добиваясь включения других демократических партий в действующее правительство и, в-третьих, сохраняя народу Италии шанс самостоятельно решить, кого они хотят видеть у власти.

Забегая вперед, хочу сказать, что Бадольо предложил посты в своем правительстве лидерам демократических партий, но они отказались работать под его началом. Король Виктор-Эммануил отклонил просьбу покинуть трон. Но об этом будет рассказано ниже.

Временное соглашение относительно Италии; осень 1943 года

Советское правительство с неудовольствием наблюдало из своего далека за развитием событий в Италии, хотя и не выражало несогласия с проводимой политикой. Все надежды и усилия Советов сосредоточились на получении полномочий Верховным Главнокомандующим, как представителем Объединенных Наций, для создания специальной военно-политической комиссии, в которой советское правительство окажется наравне с остальными и, вероятно, получит право вето.

Вызывает интерес запутанная история, последовавшая за этим предложением. В посланиях Рузвельту и Черчиллю от 24 и 25 августа Сталин безапелляционно заявлял, что недостаточно информирован относительно происходящего в Италии. По его мнению, пришло время для создания объединенной военно-политической комиссии, которая должна немедленно приступить к работе „...с целью рассмотрения вопросов в отношении переговоров с различными правительствами, отделившимися от Германии“.

Это предложение было отложено, возможно, потому, что не казалось срочным, поскольку Сталин одобрил текст „исчерпывающих“ условий, которые оговаривали полномочия союзников в отношении Италии. Параграфы 36 и 37 этого договора гласили:

36. Правительство Италии будет проводить в жизнь такие законодательные меры, которые окажутся необходимыми для выполнения настоящего документа. С той же целью военная и гражданская власти Италии будут обязаны подчиняться любым приказам, исходящим от главнокомандующего союзных войск.

37. Туда будет направлена контрольная комиссия, представляющая Объединенные Нации и действующая согласно приказам и прямым указаниям главнокомандующего союзных войск, на которую возлагается контроль за исполнением этого документа.

Рузвельт считал, что эти условия решают поднятые Сталиным проблемы в отношении Италии.

В послание Сталину от 5 сентября относительно предстоящей встречи министров иностранных дел Рузвельт вставил фразу: „Почему бы Вам, в связи с предстоящими заседаниями комиссии по разрешению дальнейших вопросов с итальянцами, не направить офицера в штаб генерала Эйзенхауэра? Он присоединился бы на Сицилии к британцам и американцам, которые в настоящее время работают именно над этим вопросом“.

У Сталина создалось впечатление, что его предложение не хотят принимать. В его ответном послании Рузвельту от 8 сентября явственно звучит раздражение. По его мнению, наиболее важным, первостепенным вопросом является создание военно-

политической комиссии из представителей трех стран с местопребыванием „на первое время на Сицилии или в Алжире“ и что „...отправка советского офицера в штаб Эйзенхауэра ни в какой мере не может заменить военно-политическую комиссию, которая необходима для руководства на месте переговорами с Италией (а также с правительствами других государств, порывающих с Германией)“. Сталин добавил, что уже и так потеряно много времени.

10 сентября Рузвельт и Черчилль одновременно отправили ответы Сталину. Президент писал, что согласен немедленно учредить военно-политическую комиссию, и предлагал провести первое заседание 21 сентября в Алжире. Кроме того, он тщательно разграничил функции будущей комиссии, заметив, что, „конечно, им будет предоставлена полная информация относительно хода текущих и будущих переговоров, но члены комиссии не должны иметь неограниченных полномочий. Перед принятием окончательных решений полномочия должны быть получены у правительств“. Черчилль также одобрил идею создания подобной комиссии, правда, неизвестно, что он сказал о ее предстоящей деятельности.

В ответе от 12 сентября Сталин подтвердил получение посланий от Рузвельта и Черчилля. Он сообщает, что считает вопрос относительно комиссии „в сущности, решенным“; советским полномочным представителем назначен заместитель председателя комиссара иностранных дел Вышинский, а его заместителем Богомолов, советский посол при союзных правительствах в Лондоне. К ним прикомандирована группа ответственных военных и политических экспертов и небольшая группа технической поддержки. Сталин согласился с тем, что комиссия может начать работу в конце сентября, и отметил, что не возражает против проведения первого заседания в Алжире, понимая, что в дальнейшем комиссия будет сама устанавливать целесообразность выезда на Сицилию или в какое-либо другое место в Италии. Сталин заявил, что нашел соображения Черчилля относительно функций комиссии „правильными“, но считает, что они могут быть уточнены после первого опыта работы комиссии не только в отношении Италии, но и в отношении других стран.

Оказалось, что концепция правительств Соединенных Штатов и Британии совершенно отличается от советской концепции в отношении действий этой комиссии, особенно в отношении Италии.

Кстати, это основное отличие проявилось в примечаниях, сделанных 23 сентября к директивным указаниям президента Эйзенхауэру. В них президент давал указание приступить к выполнению параграфа 37 „исчерпывающих“ условий: организовать контрольную комиссию под началом главнокомандующего, сосредоточив в ней все функции союзнической военной администрации в Италии и полномочия для управления правительством Бадольо во всех сферах деятельности. В послании от 25 сентября Молотов, комментируя это директивное указание, вообще усомнился в необходимости организации союзнической контрольной комиссии под началом Эйзенхауэра, поскольку, цитирую, „...как стало известно, после ратификации подробных условий перемирия на основании решения трех правительств там уже основана военно-политическая комиссия, в результате вопрос о контрольной комиссии, предусмотренной статьей 37 „исчерпывающих“ условий, должен считаться исчерпанным“.

Более того, Молотов сообщил, что, по мнению советского правительства, в функции военно-политической комиссии должна входить координация и управление деятельностью не только гражданской, но и военной структуры на вражеской территории и контроль за выполнением условий перемирия. То есть он рассчитывал, что комиссия будет отдавать приказы правительству Бадольо по политическим, административным и военным вопросам, в то время как главнокомандующий будет руководить исключительно военными операциями. Опубликованное в тот же день заявление советского правительства основывалось на этих идеях. Это заявление, наряду с выбором в качестве советского представителя Вышинского, являющегося заместителем народного комиссара

по вопросам отношений с Соединенными Штатами и Великобританией, показывает, насколько серьезно советское правительство относилось к обязанностям комиссии. Советская концепция соответствовала обычной практике русских – подчинения военных действий политическому управлению; военно-политическая комиссия должна была состоять из политических представителей, или комиссаров, и направлять действия как военных, так и гражданских структур на оккупированных территориях. В этом случае советскому правительству предоставлялась основная роль в формировании политического развития Италии, что являлось исторически важным. Вероятно, американское и британское правительства впоследствии получили бы эквивалентную долю при определении стратегии в отношении побежденных немецких сателлитов на Востоке, хотя это представляется маловероятным в отношении стран, граничащих с Советским Союзом.

Однако могло быть и так, что американское и британское правительства не считали, что военно-политическая комиссия должна обладать полномочиями отдавать приказы Верховному Главнокомандующему или занять место союзнической контрольной комиссии. По их плану, военно-политическая комиссия должна была стать группой информационной поддержки и консультационным центром. Отклонив советское предложение о замене союзнической контрольной комиссии военно-политической комиссией, британское министерство иностранных дел, в качестве успокоительного средства, решило предоставить Советскому Союзу большее количество мест в контрольной комиссии. Государственный департамент согласился с подобной мерой. А вот Военному департаменту не понравилось это решение. Они считали, советское правительство должно удовлетвориться местом в любой группе наблюдателей.

Первое заседание вновь образованной группы (первоначально названной Военно-политической комиссией, затем Средиземноморским советом и, наконец, Консультативным комитетом по Италии) было отложено в связи с болезнью Вышинского. Проведенные в это время обсуждения не дали никаких значимых результатов; просто у правительств, входящих в состав комиссии, появилась еще одна возможность подтвердить собственную позицию.

Остальные страны, такие, как Греция, Югославия, Китай, Бразилия и Французский комитет национального освобождения – все, кроме Советского Союза, добивались принять участие в выполнении условий капитуляции Италии и в установлении контроля над ней. Следовало ли их пригласить, чтобы они стали членами Консультативного совета или взаимодействовали с ним? Или должна была быть придумана какая-то новая система? В октябре, за две недели до встречи министров иностранных дел в Москве, произошел взаимный обмен предложениями. Решений принято не было. Целый ряд вопросов дождался начала конференции.

Идеи и Хэлл предложили план, который состоял главным образом из предложений Эйзенхауэра, опиравшихся на мнение, что главнокомандующие должны обращаться в Объединенный штаб за военными и политическими директивами. Этот план существенно отличался от всех ранее обсужденных предложений.

22 октября, на первом заседании министров иностранных дел относительно Италии, Идеи выдвинул два предложения. В одном он изложил первоначальные предложения, отклоненные советским правительством. Он рассмотрел формирование Военно-политической комиссии, занимающейся всеми вопросами, *волнующими Европу* и являющимися следствием военных успехов, за исключением тех, которые относились непосредственно к военным действиям. По его представлению, комиссия должна обладать широчайшими консультативными, а не исполнительскими функциями. Второе предложение касалось плана мероприятий по контролю за выполнением условий перемирия, поделенного на три фазы. Во время первой, длящейся до момента официального водворения правительства Италии в Риме, будет действовать Союзническая контрольная комиссия (предположительно, американо-британская) под руководством главнокомандующего. В течение второй фазы, длящейся до окончания кампании в

Италии, контроль возьмем на себя Союзнический консультативный совет, куда будет входить и советское правительство. На третьей, последней, фазе главнокомандующий должен передать президентские полномочия Контрольной комиссии, а исполнительские функции – большому Консультативному совету.

Свое выступление по поводу этих предложений Молотов начал с того, что подчеркнул, насколько трудно советскому правительству, не имея своего представителя в Северной Африке и Италии, понять, что там происходит. Он вновь выказал подозрение к любому намерению изменить одобренные условия перемирия, и Идеи в очередной раз заверил Молотова, что условия остаются в силе и могут быть изменены только с общего согласия всех трех союзников. Молотов открыто заявил, что советское правительство придает огромное значение ходу политических изменений в Италии и, принимая во внимание, какую роль фашизм играл в начале войны, советское правительство решительно настаивает на скорейшем переходе к демократической системе управления. Он выступил с предложением, содержащим семь принципов управления политическими действиями Италии, которые, по мнению советского правительства, следует немедленно принять к действию.

Ни трехэтапная программа Идена, ни попытка Хэлла убедить Молотова в том, что наша стратегия находится в строгом соответствии с принципами, предложенными советским правительством, и отвечает желанию Молотова иметь представителей на местах, ничего не дали. Но возможно, неожиданное решение американцев и британцев в пользу советских принципов заставило Молотова прекратить попытки полностью опровергнуть предложения союзников, а наоборот, побудило подладиться к тому, что на этот момент являлось практически действующим планом. В любом случае, он не вернулся к советскому предложению относительно отказа от Союзнической контрольной комиссии и не затронул вопроса о равноправном членстве в этой комиссии. Вместо этого Молотов принялся настаивать на немедленном создании Консультативного совета. Идеи и Хэлл заявили, что готовы представить эти предложения на рассмотрение своих правительств. Они тут же отправили запросы: но ответы долго не приходили. Между тем переговоры между тремя официальными лицами показали, что не было достигнуто полного взаимопонимания относительно членства в Консультативном совете. Британия хотела, чтобы в него входили Греция и Югославия. Молотов был против. Решили следующим образом: сначала совет будет состоять из четырех представителей, а затем, и как можно скорее, в него войдут еще два представителя.

Американское и британское правительства согласились с пожеланием советского правительства, не откладывая, приступить к организации Консультативного совета. Достигнутое соглашение было внесено в протокол, в котором четко оговаривалось, что Консультативный совет должен наблюдать за функционированием контрольной системы в Италии и консультироваться с главнокомандующим, являющимся председателем Контрольной комиссии, по важным политическим вопросам; военные вопросы не входили в ведение комиссии. За главнокомандующим оставалось право подчиняться исключительно приказам Объединенного штаба.

Позже будет показано, что советское правительство сохранило эту систему. Принятая в Италии схема оказалась надежной и справедливой и подходила для использования в странах, освобожденных Красной армией.

Немного больше внимания следует уделить предложению Молотова, которое было принято. Согласно этому предложению, все три правительства должны были сообща объявить об осуществлении некоторых „срочных политических мер“, то есть о тех семи принципах управления итальянской политикой, о которых было упомянуто выше. Первым принципом была „демократизация итальянского правительства посредством включения представителей антифашистских партий“. Остальные касались восстановления индивидуальной и коллективной свободы, пресечения деятельности и уничтожения всех фашистских обществ и организаций, смещения с должностей в правительстве и с

руководящих должностей в государственных учреждениях всех фашистских и профашистских элементов, амнистии политических заключенных и ареста военных преступников.

Британские и американские цели и устремления полностью соответствовали этим принципам; разница заключалась в сроках осуществления и возможных последствиях. Хэлл позволил себе продемонстрировать истинные чувства в отношении фашизма, сказав, что, „...по моему мнению, следовало бы взять Гитлера! Муссолини, Тодзио и их основных подельников, заранее доставить туда, где будет происходить это историческое событие, и чтобы военно-полевой суд состоялся на восходе следующего дня“. Уверенно согласившись с Молотовым, что „демократические“ элементы в Италии должны обладать всей полнотой политических возможностей», американцы и британцы проявили осторожность в отношении того, как далеко и сколь основательно следует вникать союзникам в политическое развитие Италии. Во врученном Молотову совместном меморандуме Идеи и Хэлл объяснили, насколько точно союзники следуют выбранной советским правительством стратегии, подразумевающей соблюдение осторожности и осуществление контроля, столь необходимых в этот период тяжелых и напряженных военных действий.

Сообщения в Лондон и Вашингтон подготовили почву для совместной декларации. Текст достигнутого соглашения был оглашен на закрытии конференции. В первой статье меморандума говорилось: «Суть заключается в том, что итальянское правительство должно стать более демократическим путем включения в него представителей тех слоев населения Италии, которые всегда противостояли фашизму». Это обязательство со стороны союзников в отношении изменений в правительстве вселило надежду в политических лидеров Италии.

Вопрос о будущем короля и монархии не затрагивался, как «...не имеющий отношения к этой декларации» и «в конечном итоге направленный против права народа Италии выбирать собственную форму правления».

Эта «Декларация в отношении Италии» явилась одним из успехов Московской конференции и отчетливо продемонстрировала, что для победы необходима слаженность действий в принятии совместных обязательств.